

Министерство образования и науки России
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Казанский национальный исследовательский
технологический университет»
Кафедра социальной и политической конфликтологии

VII Всероссийская научно-практическая
и научно-методическая конференция

«КОНФЛИКТЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ»

15–16 марта 2013 года

Казань
Издательство КНИТУ
2013

Коллектив авторов
В. М. Ловчев
Сергей Алексеевич Сергеев
**VII Всероссийская научно-
практическая и научно-
методическая конференция**
**«Конфликты в социальной
сфере», 15–16 марта 2013 года**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16931184
КОНФЛИКТЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ. Сборник материалов
VII Всероссийской научно-практической и научно-методической
конференции: Изд-во КНИТУ; Казань; 2013
ISBN 978-5-7882-1369-9*

Аннотация

Представлены материалы VII Всероссийской научно-практической и научно-методической конференции «Конфликты в социальной сфере» (15-16 марта 2013 г., г. Казань). Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов и студентов, исследователей широкого спектра конфликтологических проблем современного общества, практических работников социальных

учреждений, конфликтологических центров и общественных организаций.

Содержание

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	5
Трудовые конфликты в аспекте социальной ответственности бизнеса и профсоюзов	5
Социально-политические напряжения и конфликты в поликультурных обществах	17
Шаткое равновесие: режим и политические протесты в современной России	25
Социальная напряженность и конфликты в Уральском регионе	38
Системный подход и синергетика (теория самоорганизации) в конфликтологии социальной работы	49
Конфликт по вопросу репатриации сирийских черкесов на российский Кавказ: информационный аспект	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

**VII Всероссийская
научно-практическая и
научно-методическая
конференция «Конфликты
в социальной сфере»,
15–16 марта 2013 года
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ**

**Трудовые конфликты в аспекте
социальной ответственности
бизнеса и профсоюзов**

Шаленко В.Н.

*Российский государственный социальный университет, г.
Москва*

При анализе форм проявления трудовых конфликтов выявляются две основные тенденции. Первая выражается в

том, что трудовые конфликты в кризисный период все чаще выходят за пределы базирующегося предприятия, приобретая публичный характер. Забастовщики апеллируют уже не только к своему работодателю, но и к властям, правоохранительным органам, общественным организациям и населению. Эта тревожная тенденция свидетельствует, на мой взгляд, о серьезных препятствиях для эффективного регулирования конфликта интересов между трудом и капиталом. Вторая тенденция заключается в том, что остается незначительной доля законных форм протекания коллективных трудовых конфликтов. Для реализации своих интересов базирующиеся работники ориентируются не на те правила и процедуры, которые установлены законом, а то, что, по мнению неудовлетворенных людей больше их устраивает, то есть стихийные или общегражданские акции. А этот факт, в свою очередь, еще раз служит подтверждением того, что нынешнее трудовое законодательство с его чрезмерно сложной для реализации технологией не позволяет большинству участников коллективных трудовых споров регулировать возникающие противоречия целей и интересов на взаимовыгодной основе.

В свете выявленных выше тенденций в сфере социально-трудовых споров и конфликтов, развивающихся в условиях финансово-экономического кризиса в России, рассмотрим вопрос об оптимальных формах профсоюзных структур и реальных стратегиях, которыми они руководствуются при

выполнении своих основных функций, в том числе, при регулировании коллективных трудовых споров и конфликтов.

В настоящее время сложились различные формы взаимодействия отраслевых профсоюзов с работодателями и различные формы структур профсоюзов в вертикально-интегрированных компаниях. С выходом российского предпринимательства за пределы отдельного предприятия усложняется система управления трудовыми отношениями, внутри которой функция профсоюзной организации во взаимоотношениях наемных работников с работодателями все более смещается от представительства интересов коллектива к посредничеству между ним и администрацией. Успешное существование профсоюзной организации стало полностью зависеть от ее способности налаживать такое сотрудничество с менеджментом, которое опирается на признание приоритета интересов производства перед интересами персонала и зависит от способности руководства обеспечивать работникам приемлемый уровень оплаты и условий труда, а также от способности профсоюза достичь удовлетворительного уровня трудовой мотивации и дисциплины. Именно так называемым «корпоративным» профсоюзам с их лояльностью к собственнику, удалось достичь высокого уровня профсоюзного членства, широкого распространения коллективных соглашений, финансовой стабильности. Но не следует забывать, что преимущество формальных показателей «корпоративного» варианта социального партнерства отражает эко-

номические преимущества нефтяных, металлургических и немногих других крупных корпораций, способных реализовать наиболее масштабные социальные программы. В то же время, подчеркивают эксперты [1, 28-29], в межрегиональной профсоюзной организации вертикально-интегрированной компании имеет место недостаточная эффективность отраслевых переговоров вследствие действия таких факторов, как формализация процесса переговоров, отчуждение первичных профсоюзных организаций от участия в переговорах на уровне управляющей компании, низкая активность членов профсоюза. Весьма скудна практика проведения забастовок в поддержку коллективных переговоров или как протест против невыполнения соглашений коллективного договора.

На уровне предприятия процесс социального диалога профкомов с работодателями также нельзя назвать полноценными коллективными переговорами. Участие работников сводится к подаче предложений и замечаний в проект колдоговора, внесение которых зависит от сторон согласительной комиссии и не контролируется коллективом, а сами переговоры представляют собой аппаратный процесс, завершающийся голосованием на конференции, которое в свою очередь сводится к утверждению согласованного проекта колдоговора. Таким образом, роль профкомов заключается не в борьбе за повышение расходов работодателя на финансирование оплаты и условий труда, а в управлении этими

средствами в тех объемах, которые определяет менеджмент. Неудивительно поэтому, что в многочисленных ситуациях нарушения прав работников и условий соглашений колдоговора профкомы играют роль тормозов, сдерживающих стихийные протестные выступления неудовлетворенного персонала, стремятся свести объективные конфликты интересов к переговорным процессам.

В российской научной литературе опыт деятельности профсоюзов в постсоветский период эксперты оценивают неоднозначно. Одни исследователи отмечают большой удельный вес советских норм и традиций, когда профсоюзы сохраняют функции социальных отделов на предприятиях. Другие аналитики считают, что налицо скорее сложный противоречивый поиск профсоюзными структурами нового места в жизни нового общества. Но как бы то ни было, до сих пор в профсоюзном движении отсутствует целостное единое понимание его актуальных внутренних проблем.

Согласно опросу лидеров региональных профсоюзных организаций наиболее острыми *внешними* проблемами для них являются [2]: отсутствие единой федеральной профсоюзной стратегии, которой придерживались бы все структуры, включая профкомы предприятий; потеря ресурса контроля региональными руководителями над деятельностью профкомов предприятий; отсутствие единоначалия в профсоюзной организации предприятия. По мнению многих респондентов, до недавнего времени ФНПР придерживалось ошибочной

позиции, чтобы все решение принимались на низовом уровне. Сегодня профком не способен ставить стратегические вопросы, он решает задачи вполне конкретные. В то же время руководители профсоюзных комитетов крупных успешных компаний, в том числе вертикально-интегрированных, не хотят возвращаться под контроль областных и региональных структур. К числу *внутренних* проблем региональные профсоюзные руководители относят: неготовность наемных работников самостоятельно и цивилизованно бороться за свои права и интересы; противоречия интересов между массовыми трудовыми организациями и группой профработников; кадровый дефицит в профсоюзном движении, а также растущий индивидуализм нового поколения профсоюзных активистов.

С позиций первичных профсоюзных организаций из числа *внутренних* самая главная проблема – это напряженные и конфликтные отношения между профкомами и трудовыми коллективами, вызванные массовой пассивностью трудящихся, их «социальным иждивенчеством».

Однако, на мой взгляд, низовые профсоюзные лидеры в полной мере не осознают потенциальной опасности конфликтного противоречия между индивидуализмом нового поколения работников, дистанцирующихся от массовых организаций трудящихся, и «коллективизмом» старших поколений, унаследованным от советской эпохи. В этих условиях руководители профкомов предприятий важнейшими сво-

ими задачами считают: воспитание у работающей молодежи более ответственного отношения к профсоюзной организации; отказа от взгляда на профсоюз только как на «социально-бытовой отдел» предприятия. При этом решение данных задач затруднено в связи с тем кадровым дефицитом, отсутствием нового поколения профсоюзных лидеров, способных ставить и решать новые, более сложные вопросы.

К *внешним* проблемам, тормозящим деятельность профсоюзов предприятий и фирм, респонденты отнесли: недоступность для прямых контактов руководства крупных корпораций, включая участие иностранного капитала, штаб-квартиры которых находятся за пределами данного региона; жесткая позиция в отношении низовых профсоюзов со стороны бизнес – структур, которые не желают с ними сотрудничать; зависимость решения социальных проблем персонала (например, повышения оплаты труда) от экономического положения предприятия.

Материалы социологических исследований позволили выявить три аналитических типа профсоюзных стратегий на уровне предприятия: стратегию «традиционного участия», стратегию «разумных шагов» и стратегию «внутрикорпоративного партнерства». Рассмотрим конкретно каждую из них.

Проводя стратегию «традиционного участия», профкомы лишены самостоятельности и выполняют лишь те социальные функции, которые разрешены менеджментом и соб-

ственником предприятия. По сути дела это – разновидность «государственного патернализма», при котором государство является основным работодателем, определяющим оплату труда, а профсоюз выступает защитником интересов трудового коллектива и распределителем социальных благ и услуг. Даже переход предприятий в частную собственность мало меняет главные черты этой стратегии, которая вместо государства при социализме ориентируется на частного работодателя при российском капитализме. Собственник и топ-менеджеры терпят профсоюз как ритуальный институт и «дань традиции». Руководство проводит политику открытого патронажа, в том числе и административного, назначая руководителем профкома заместителя директора по персоналу. Именно таким профсоюзам склонны не доверять многие трудящиеся.

Реализация стратегии «разумных шагов» предполагает превращение профсоюза в относительно самостоятельного субъекта социальной политики в духе западных тред-юнионов. Акценты в их деятельности смещаются с распределения социальных услуг на защиту интересов наемных работников в сфере производства. Стремясь успешно адаптироваться к новым социально-экономическим условиям, они ищут новые пути решения своих актуальных проблем. Характерным примером является профком НПО «Сатурн» по производству авиационных двигателей (г. Рыбинск Ярославской области), который формулирует новые задачи.

Во-первых, воспитание у трудового коллектива основ корпоративной культуры и приобщение работников к целям и задачам, стоящим перед предприятием. Во-вторых, адаптация управленческих решений руководства к социальным потребностям персонала. Например, проведение более активной кадровой политики среди работающей молодежи. В-третьих, создание для всех сотрудников единых базовых социальных условий (равный доступ к оздоровительным учреждениям, медицинское страхование) и содействие сокращению чрезмерных разрывов в уровнях оплаты труда. В-четвертых, разработка инновационных методов социальной политики, которые способствуют развитию самостоятельной экспертно-аналитической деятельности. Профсоюзу это особенно необходимо при проведении ежегодных переговоров с руководством о заключении коллективных договоров. Так, в случае «конфликта интересов» профком обращается к помощи независимых экспертов, которые предоставляют им необходимые расчеты, а эти результаты предъявляются в качестве весомых аргументов «с цифрами в руках». И, надо сказать, это вызывает уважительное отношение со стороны высшей администрации.

На тех предприятиях, где профсоюзы были созданы по решению и под эгидой руководства, осуществляется стратегия «внутрикорпоративного партнерства». Вместе с рядовыми работниками членами профсоюза являются руководители среднего и высшего звеньев управления. По этой моде-

ли действует профсоюзное объединение ОАО «Лукойл», созданное в 1994 г. В декабре 2002 г. корпорация приняла Кодекс корпоративного управления, где важнейшими задачами являются «укрепление корпоративной морали» и «приобщение персонала к задачам компании». Отношения между работодателем и профсоюзной организацией строятся на принципе «уважения взаимных интересов», что зафиксировано в коллективном договоре.

Однако это деловое партнерство строится на взаимных ограничениях своих интересов.

Руководство берет на себя обязательства: предоставить профсоюзу возможность участия в деятельности руководящих органов компании;

предоставлять профсоюзам необходимую информацию; перечислять 0,5 % от фонда заработной платы на счет профсоюза для проведения культурно-массовой и спортивной работы. В свою очередь профсоюз обязуется не объявлять и предотвращать забастовки работников.

В чем я усматриваю ценность стратегии «корпоративно-го партнерства»? Прежде всего, в том, что она направлена на сохранение «социального мира», как внутри корпорации, так и за ее пределами. Для компаний, акции которых котируются на международных биржах, важно отвечать мировым стандартам требований к социальным показателям деятельности крупного бизнеса.

По убеждению большинства участников опроса, соб-

ственников и руководителей предприятий, сегодня главная задача профсоюзов состоит не только в том, чтобы бороться с администрацией за повышение оплаты труда и сохранение кадров персонала, сколько быть *посредником* между высшим руководством и трудовым коллективом. Меньшая часть респондентов уверена в том, что профсоюзам до сих пор не удалось вписаться в рыночную экономику, а это диктует необходимость научиться действовать в изменившихся социально-экономических условиях.

Таким образом, российским профсоюзам, большинство из которых вышло из советского прошлого, непросто осваивать новые социальные роли и функции. Сложность этого процесса состоит в том, что традиционные профсоюзы, а именно они составляют основную профсоюзную массу, лишены возможности оказывать ощутимое влияние на отечественный бизнес. Тем не менее опыт отдельных продвинутых отраслей экономики показывает, что возможны успешные организационные инновации в плане реализации новых структурных форм построения профсоюзных организаций, о чем свидетельствует деятельность профсоюзов в целом ряде вертикально-интегрированных компаний. В результате новые подходы к социальной политике в профсоюзном движении чаще всего реализуются «снизу», а площадками успешных социальных экспериментов становятся отдельные крупномасштабные корпорации, такие, как «Газпром», «Лукойл», «Связьинвест» и другие.

Список литературы

1. Организационное строение и деятельность профсоюзных структур в вертикально-интегрированных компаниях. Проблемы оптимизации. Сб. – М.: Изд. дом «АТИСО», 2008.

2. Социальная политика бизнеса в российских регионах: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр науч. – информ. исслед. глобал. и регион. пробл. Отдел глобальных проблем; Отв. ред. Лапина Н.Ю. – М., 2005.

Социально-политические напряжения и конфликты в поликультурных обществах

Танчер В.В., Шевель И.П.

*Киевский национальный университет культуры и искусств, г.
Киев.*

Проблемы поликультурности (мультикультурализма) в современных обществах приобрели особую актуальность в наше время по многим причинам. Среди них можно отметить потребность в поиске национально-культурной идентичности в мире, который стремительно глобализируется, в ускоряющейся коммуникации, информационно-культурном взаимообмене в эпоху всемирной сети, возрастающей пространственной мобильности и культурной диффузии, в ситуации непосредственного сосуществования и конкуренции разных культурных традиций, мировосприятия и ценностных систем и т.д.

Эти процессы неизбежно сопровождаются постоянно возникающими социальными напряжениями и разного рода конфликтами в общественном бытии. Проблемы разнокультурного сосуществования или, как чаще их обозначают, мультикультурализма в нынешней общественной жизни проявляются в двух аспектах – социально-политиче-

ском и культурологическом. Политические напряжения, которые взбудоражили стабильный и благополучный «западный мир» в XXI в. и породили сомнения в присущих ему терпимости, политкорректности, благопристойности и т.п., понуждают искать решения этих проблем в политической плоскости взаимоотношений в поликультурных обществах. Такая напряженность и конфликтность возникает прежде всего там, где в условиях разнокультурного сосуществования ожидаются и требуются единые социальные стандарты «западного мира» без притяжения его культурных стандартов и образцов поведения, стремления жить одновременно в современной «социальной державе» и сепаратном этнокультурном, традиционном обществе, в светском, демократическом, открытом обществе и религиозно и нравственно строго предписывающем сообществе. Неизбежно формируются угрозы дезинтеграции общества, этнокультурного экстремизма вплоть до терроризма, этноконфессиональных противостояний, культурного размежевания отличных сообществ.

В этой связи актуализируется потребность социологического мониторинга зон напряженности, политологического анализа проблемных сфер и поиска способов и механизмов их нейтрализации и сглаживания. Для конфликтологов открывается широкое поле для анализа и разработки действенных мер противостояния разрушительным для общества процессам.

Европейское сообщество, как это представляется теперь,

пока не нашло таких способов и мер. Многие политические лидеры крупных европейских стран заявили о крахе политики мультикультурализма: надежды и иллюзии не устояли перед неприглядной реальностью. Бесчинства арабской молодежи в пригородах Парижа и цыганское попрошайничество и мошенничество в его центре, «шариатские патрули» в Лондоне и «славянская» проституция во всех европейских столицах и другие проблемы с девиантными группами и этнокультурными сообществами тому примеры, не сходящие с новостных страниц европейских СМИ. Столкновение разных нравственно-ценностных миров, сплетаясь с социальными и политическими конфликтами, становится угрозой стабильности и благополучию этих стран.

Нельзя обойти и философский аспект проблем поликультурного общества: как возможно без предубежденности воспринимать «иную» культуру и традиции с позиций собственной? Особенно если мировосприятие, нравственно-нормативные системы, образ жизни существенно отличаются, «культурные коды», которые определяют мироощущения почти на генетическом уровне, противоречат один другому. Попытки поставить все на фундамент «общечеловеческих», гуманистических ценностей чаще всего приводили к попыткам выдать за них собственные, так сказать, «западные» (или же иудео-христианские постулаты) в качестве универсальных, прогрессивных. Этноцентризм национальных культур вступил в противоречие с глобалистскими

тенденциями общественного развития, где доминирует один тип культуры.

Дискуссии культурологов оставляют эти вопросы открытыми, а политические разрешения проблем сосуществования разных систем взглядов и критериев в поликультурном обществе остаются неопределенными и необоснованными. Считается, что налаживание, гармонизация межкультурного диалога будет иметь лучшие перспективы в процессе позитивной глобализации, ее успешности, с равновесием глобального и локального, универсального и партикулярного в мировом культурном развитии. Однако это пока только перспектива.

В недавней истории можно найти несколько примеров попыток решения проблем поликультурного социума. Известны несколько моделей более или менее успешной мультикультурной общественной организации, в частности:

– американский «плавильный котел», сплавление различных иммигрантских культур, традиций, обычаев, вкусов... – в общую американскую культурную модель, принятие единого ценностно-нормативного образца (американский образ жизни, «американскую мечту», бытовые стандарты, способы самореализации и т.д.);

– советская многонациональная культура с унифицированным «социалистическим содержанием», разливанием этого содержания в национальные формы, внедрение обязательного идеологического образца (большевицких идеалов

и целей, коллективистского поведения, «морального кодекса строителя коммунизма» и т.п.), при этом декларировался ориентация на поддержание высоких образцов мировых художественных достижений и поддержку национальных, региональных культурных продуктов, при условии, если они вписывались в идеологические рамки;

– западноевропейская модель, реализующаяся в наши дни: культивирование многокультурных укладов и толерантное сосуществование различных ценностных систем при условии признанного доминирования либеральной идеологии и ценностно-нормативных установок того образа жизни, который принято обозначать как буржуазный, рационалистских ориентаций «западной цивилизации».

Все эти модели имеют свои преимущества и недостатки, но окончательно так и не решили проблемы поликультурного сосуществования. Более того, ставка на достижение позитивных для общества результатов при помощи поддержки мультикультурализма все чаще оценивается негативно. Проявления нетерпимости, агрессивного неприятия иннокультурных взглядов, вкусов, обычаев время от времени сотрясают западноевропейские страны. Развитию мультикультурализма противопоставляется цели инкультурации, интеграции обществ на основе общих культурных образцов и форм поведения.

Вместе с тем, снятие проблем и преодоление трудностей разнокультурного общественного устройства видится на пу-

ти последовательного культурного взаимообогащения и взаимопроникновения, то есть опираясь на культурный диффузионизм. Эта концепция приобретает особую актуальность в современном глобализирующемся мире.

Масштабность и быстрота протекания культурного обмена и взаимовлияния в глобальном мире достиг небывалых размеров. Развитие человечества всегда протекало через заимствование, модификации, усовершенствование перенятых образцов. Об этом свидетельствуют исторические, археологические, культурологические исследования. Удачные достижения одних народов и стран становились достоянием всего человечества.

Ярким примером может служить древнейший культурный продукт человеческого сообщества – кулинария. То, что часто принято считать национальным самовыражением народа в «любимом блюде», на самом деле было заимствованием у других. (Так, итальянские макароны (паста) были завезены в Италию Марко Поло из Китая, оттуда же родом «сибирские» пельмени; «национальная гордость» россиян – водка – польского происхождения, а украинский борщ воплотил лучшие характеристики блюд всех своих соседей, и т.д.) Это справедливо и в области национальной одежды, обычаев, художественного творчества... В наши дни кулинарные взаимопроникновения приобрели невиданный размах: в Киеве японских и тайских сетей ресторанов больше, чем украинских; восточная шаурма и американский fast food господствует на

всем европейском пространстве, то же с итальянскими пиццериями и английскими пабами. Можно сказать, что мультикулинаризм победил во всемирном масштабе.

Таким образом, культурные заимствования, перенос иностранного на национальную почву, гибридизация, смешение чужеродных элементов с местными и тому подобное – выступают убедительными примерами всепроникающего культурного диффузионизма. Каналами и механизмами его являются:

- глобальные mass-media, интернет, телевидение, популярная культура и искусства;
- торговля, мировые бренды, супермаркеты;
- массовый туризм, индустрия досуга;
- массовые миграционные процессы и др.

Таким образом, поликультурность современных обществ выступает неизбежным следствием глобализационных процессов и их одной из главных характеристик. Они неразрывны и взаимно обуславливаемые.

Между тем, думается, следует различать мультикультурализм как социально-политическую цель, достигаемую политическими и административными средствами, искусственно навязываемую обществу, и естественную поликультурность, неуправляемо возникающую, постепенную культурную диффузию, стихийное взаимопроникновение, смешение культур на основе современных технологий и знаний. Хотя интенсивная глобализация не только увеличивает социальные рис-

ки, но проблематизирует культурное взаимодействие, имеющую тысячелетнюю историю, многолика культура человечества будет достоянием всех народов. Тем не менее, недуманные и поспешные действия в этом направлении, нередко, имеют последствиями социально-политические напряжения и конфликты на чисто культурной почве. Запреты и преследования, в частности, на ношение тех или иных видов одежды, на употребление тех или иных продуктов, на формы досуга и традиционные ритуалы и т.п. – не способствуют культурной интеграции общества, социальной гармонизации и политической стабильности, которые провозглашаются главными ориентирами либерально-демократических общественных систем.

Для такой большой, поликультурной и многонациональной страны как Россия, проблемы культурных взаимоотношений и взаимовлияний всегда будут актуальными, а значит – предметом анализа, исследований, дискуссий. Рассмотрение приведенных выше концепций и оценок, очевидно, будет плодотворным.

Шаткое равновесие: режим и политические протесты в современной России

Сергеев С.А.

КНИТУ, г. Казань

Анализируя динамику развития политических протестов в ряде стран Восточной Европы, Юго-Восточной Азии и Латинской Америке в 1980-е гг., известный политолог и транзитолог А. Степан сделал ряд важных наблюдений, которые весьма полезны при анализе политической ситуации в России в 2012 – 2013 гг. Прежде всего, он выделил пять групп, участвующих в процессе демократизации (или авторитаризации). Это: 1) ядро или центральная группа сторонников режима (те, кто считает, что их политические, экономические или институциональные интересы лучше всего удовлетворяются при статус кво); 2) репрессивный аппарат, благодаря которому режим удерживается у власти; 3) пассивные сторонники режима; 4) активные оппоненты режима; 5) пассивные оппоненты режима [1, 62]. Как они ведут себя в условиях укрепляющегося авторитаризма? Ядро сторонников режима «охвачено чем-то наподобие синдрома «осажденной крепости», всемерно поддерживает режим, включая предпринимаемые им репрессии. Военные и служба без-

опасности в значительной мере склонны отождествлять интересы своих организаций с интересами режима. Столкнувшись с сильным режимом, пользующимся поддержкой двух мощных групп, третья группа – пассивные сторонники – подчиняются авторитарной гегемонии. «Таким образом, целостный и уверенный в себе авторитаризм может поставить под свои знамена бесчисленное количество интеллектуалов среднего класса, служащих, журналистов и иных профессионалов» [1, 63]. Что касается оппозиции, то ее активисты приведены в смятение направленными против них массовыми репрессиями режима. Пассивная оппозиция в этом случае стремится держаться подальше от тех, кто активно противостоит режиму. В условиях эрозии режима всё меняется. Группа сторонников режима начинает фрагментироваться, боясь, что рушащийся режим потянет и ее за собой. Некоторые из ядра сторонников режима решают, что увековечение авторитаризма не в их интересах, и перейдут к пассивной – иногда даже активной – оппозиции. Этот раскол сторонников режима прямо влияет на решимость защищать режим со стороны армии и сил безопасности. Неудивительно, что в этих условиях некоторые из пассивных сторонников режима сдвигаются к пассивной оппозиции. Пассивная оппозиция увеличивается количественно и начинает поддерживать действия активной оппозиции [1, 64].

Вместе с тем этот анализ изменения соотношения сил в динамических процессах авторитаризации / демократизации

не рассматривает возможность «зависания» ситуации, хотя такие случаи, в общем, не так уж редки (Чили или ЮАР 1980-х гг.) [2, 169 – 170]. Оппозиция не может сместить правительство, но и правительство не в силах подавить оппозицию. Феномену «зависания» политических протестов в России в 2012 – 2013 гг. мы и уделим основное внимание ниже.

Оппозиционные протесты декабря 2011 – января 2013 гг. достаточно четко разделяются на три периода: 1) декабрь 2011 г.; 2) февраль – март 2012 г.; 3) май – июнь 2012 г.; г) сентябрь 2012 г. – настоящее время.

Протесты декабря 2012 г. были наиболее массовыми и неожиданными; пожалуй, ни сторонники, ни противники режима не могли предположить такого развития событий. Правда, группа аналитиков во главе с М. Дмитриевым и С. Белановским в марте 2011 г. предупреждала, что в политическом сознании российского населения быстрыми темпами стала нарастать делегитимизация власти, и сохранение этой тенденции может привести в обозримом будущем к политическому кризису, который по своей интенсивности может превзойти период конца 1990-х гг. и вплотную приблизиться к эпохе конца 1980-х гг. Одним из факторов кризиса называлась массовая оппозиционность среднего класса [3]. Декабрьские акции протеста охватили почти 100 российских городов. Наиболее многочисленные митинги состоялись в крупных городах европейской части России и Сибири: Екатеринбурге, Новосибирске, Томске, Самаре, Архан-

гельске, Волгограде, Перми, Челябинске. Эти протесты организовывались не оппозиционными партиями (которые, казалось бы, более всего заинтересованы в увеличении количества думских мандатов), а в первую очередь беспартийными активистами. Для мобилизации сторонников использовались виртуальные группы в социальных сетях. В ходе митингов сложился стихийный союз левых, либералов и русских этнонационалистов. В силу этого общую идейно-политическую ориентацию участников протестов можно назвать общедемократической – в них участвовали люди разных политических взглядов, в том числе не идентифицирующие себя ни с какими политическими партиями и движениями, а лишь воодушевленные общегражданской идеей.

Согласно опросу Левада-центра 16-20 декабря 2011 г., в той или иной мере поддержали проведение уличных акций протеста против фальсификации выборов 44 % опрошенных, не поддержали – 41 %, и 15 % затруднились с ответом [4]. Ряд аналитиков и ученых, которых трудно заподозрить в наивности, сочли, что Бирнамский лес двинулся, и дни режима уже сочтены [5]. Но это был лишь первый акт двадцать пятой драмы¹.

На втором этапе развития политического протеста массовые митинги начинают организовывать власти. След-

¹ У. Шекспир считается автором двадцати трех драм; А. Ахматова в стихотворении «Лондонцам» (1940) писала, что время «бесстрастной рукой» пишет «двадцать четвертую драму Шекспира».

ствие массированного пропагандистского и административного давления уровень поддержки массовых акций протеста начинает снижаться: если в январе 2012 г. протесты поддерживало 43 % опрошенных, то в феврале – 38 %, а в марте – 32 %. В ходе президентской кампании режиму удалось переломить ситуацию в свою пользу: в феврале 2012 г. доля противников протестов впервые за три месяца превысила долю их сторонников: 45 % опрошенных заявили, что «совершенно» или «скорее не поддерживают» массовые протесты [6].

Но победа режима не деморализовала участников массовых протестов. Третий этап характеризовался обострением отношений между российской оппозицией и властью, о чем свидетельствуют эпизоды силовой конфронтации и усиливающееся давление на оппозицию. 6 мая 2012 г., накануне инаугурации В. Путина в Москве прошёл «Народный марш» (также называемый «Марш миллионов») с числом участников от 50 до 100 тысяч, переросший в массовые беспорядки и столкновения с полицией. Ответом на это стал закон о митингах, существенно повышающий штрафы за нарушения правил проведения протестных мероприятий. Последовал и ряд других законов (например, ужесточающие положение НКО, получающих средства из-за рубежа), принятых не просто в спешке, но с истерической скоростью.

На четвертом этапе массовая уличная активность заметно ослабевает. В «Марше миллионов» в Москве 15 сентября 2012 г. приняло участие около 54 тысяч человек [7], в возло-

жении цветов к Соловецкому камню на Лубянской площади 15 декабря 2012 г. – от 700 до 5 тыс. человек, в «Марше против подлецов» 13 января 2013 г. в Москве – около 24,5 тыс. человек [8].

Опросы Левада-центра показывают, что социальная база протеста если и уменьшается, то потом вновь возрастает: в апреле и в июне 2012 г. протесты «определенно» и «скорее поддерживали» 37 % респондентов, в июле – 42 % опрошенных, в августе – 33 %, в сентябре – 39 %, в октябре – 30 % (минимальная доля за весь период с декабря 2011 по декабрь 2012 гг.), но в ноябре – 40 %, в декабре 2012 г. – 36 % [9]. В январе 2013 г. доля тех, кто «поддерживает» и скорее поддерживает» массовые протесты, вновь выросла, приблизившись к значениям «горячей зимы» 2011/2012 гг.: «скорее поддерживают» и «определенно поддерживают» протесты – 41 %, в то же время «скорее не поддерживают» и «совершенно не поддерживают» – 36 % [10].

Таким образом, властям удалось приостановить расширение массовых протестов, но не удалось существенно сократить численность их сторонников. Таким образом, протест как бы «завис». Ситуация выглядит еще более парадоксальной, если учитывать, что это происходит на фоне явного снижения уличной активности. Используя военные аналогии (поскольку политика сродни войне), можно сказать, что армия готова сражаться и дальше, а состав либо проникся пораженческими настроениями, либо

не может выработать какого-нибудь внятного стратегического плана. Впрочем, такому комсоставу армия может и не доверять.

Как было показано К. Роговым, тот «страшный консервативный крен», который продемонстрировал Кремль в 2012 г. (и который продолжается и в 2013 г. – вспомним появление В. Путина на собрании «родительской общественности» во главе с С. Кургиняном), и пораженческие настроения лидеров общественного протеста – явления взаимосвязанные [11].

Для того, чтобы легитимизировать свое правление, В. Путину нужно было восстановить большинство, утраченное в 2011 г., когда наиболее модернизированные группы («образованные горожане») отказались от поддержки В. Путина и «Единой России» и составили социальную базу протеста. Восстановить большинство (или создать видимость его наличия) В. Путин мог, лишь сдвинувшись от условного политического «центра» резко «вправо» – в сторону групп, более бедных в материальном отношении и настроенных более консервативно и традиционалистски. Поэтому вместо повестки дня, предложенной в свое время Д. Медведевым и рассчитанной на более образованных и молодых («модернизация») была предложена повестка дня, актуализирующая такие вопросы, как отношение к религиозным ценностям (дело «Pussy Riot») [см.: 12; 13; 14], гомосексуализму [см.: 15] (запрет пропаганды гомосексуализма среди несо-

вершеннолетних), антиамериканизм (прекращение усыновления российских сирот гражданами США [см.: 16]). Кроме формирования нового консервативного большинства, эта повестка дня попутно была, по-видимому, направлена и на решение других задач: изменение предложенной оппозицией повестки дня, и раскол оппозиции (ибо традиционные левые и русские этнонационалисты скорее склонны поддерживать традиционные ценности, а «новые левые» и либералы – против).

Как верно заметил К. Рогов, власть могла добиться успеха, хотя этот успех имеет частичный характер: «успех был в том, что сами протестующие не сумели настоять на своей повестке, пошли на поводу у навязанной им повестки и сами ощущали себя как маргинализирующуюся группу, отделяющуюся от большинства». Но хотя «удалось создать у этой группы ощущение, что они меньшинство, а есть некое консолидированное большинство, но не удалось добиться этого большинства в реальности [11]. Об этом свидетельствует, в частности, продолжающееся, хотя замедлившееся, снижение рейтингов Путина. «Если мы посмотрим на путинский рейтинг на протяжении 2010 года, то движение очень плавное и изменения от месяца к месяцу очень незначительные. А здесь мы видели эти пилообразные изменения, причём не только в рейтинге, они прослеживаются в отношении к протестам тоже. На мой взгляд, это свидетельствует о том, что пропагандистская машина имеет мобилизационное влияние, но очень

краткосрочное, она не справляется с созданием устойчивого тренда. Она оказывает влияние на представление людей – а затем идёт откат» [11].

Наконец, как отмечалось выше, поддержка политических протестов сейчас, в начале 2013 г., находится ровно на том же уровне, что и была в самом начале протестов, в декабре 2011 г. Исследования января 2013 г. позволяют утверждать, что «общее сокращение численности участников оппозиционных акций произошло, скорее всего, за счет вымывания из протестного движения тех, кто оказался на первых митингах случайно, из интереса, попал под действие общей взбудораженности зимы 2011/2012 года (а таких было немало). Напротив, ядро активных противников политического режима увеличилось, а также выросла его активность» [17].

Таким образом, массовое движение политического протеста, приостановившееся в 2012 г., в любой момент может вспыхнуть вновь. Что послужит «спусковым крючком», сказать сложно. Это может оказаться какой-то очередной коррупционный скандал («ожерелье королевы»), аресты лидеров оппозиции или же неспособность власти поддерживать прежние темпы роста доходов и прежний уровень жизни населения. Как отмечалось Г. Хейлом, в тех странах, где режим не допускает на выборах никакой неопределенности, целенаправленно отфильтровывая кандидатов и сводя к минимуму влияние общественного мнения, критические моменты, способные вызвать крушение режима, возникают реже

и реже, но при этом они становятся всё более непредсказуемыми и могут взорвать ситуацию в любой момент [18, 38]. И, конечно, успех демократического процесса зависит от того, насколько лидеры оппозиции смогут перехватить инициативу у правящей элиты и предложить внятную общенациональную повестку дня, которая бы не раскалывала народ, а напротив, способствовала консолидации. Вместо вымученных и неактуальных вопросов, таких, как гомосексуализм, оскорбление религии, антиамериканизм повестку дня должны составить вопросы справедливого распределения благ от экономического роста, справедливого распределения политической власти, создания независимого суда, сокращения коррупции, улучшения работы полиции. Тот, кто сможет сконцентрировать позитивный ответ на эти вызовы российской действительности в один лозунг-мем (подобно тому, как А. Навальный сконцентрировал в один лозунг-мем негативную повестку дня осенью 2011 г., нанеся «Единой России» невосполнимый моральный ущерб), победит.

Список литературы

1. Stepan A. On the Tasks of a Democratic Opposition / The Global Resurgence of Democracy. – Baltimore & London: John Hopkins UP, 1993. – P. 61-69.
2. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX в. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.

3. Дмитриев М. Политический кризис в России и возможные механизмы его развития / М. Дмитриев, С. Белановский // <http://www.polit.ru/institutes/2011/03/28/2011.html>.

4. Россияне об акциях протеста и прошедших выборах // <http://www.levada.ru/28-12-2011/rossine-ob-aktsiyakh-protesta-i-proshedshikh-vyborakh>.

5. Aron L. Putin Is Already Dead // http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/02/07/putin_is_already_dead.

6. Действия власти в отношении оппозиции и протестные настроения // <http://www.levada.ru/28-08-2012/deistviya-vlasti-v-otnoshenii-oppozitsii-i-protestnye-nastroeniya>.

7. Сколько было участников шествия – оценило «компьютерное зрение» // http://tvrain.ru/articles/skolko_bylo_uchastnikov_shestviya_otsenilo_kompjuternoe_zrenie-330438.

8. Теория математика Каца совпала с подсчетами Терновского: #маршпротивподлецов посетили 24,5 тысячи человек // http://tvrain.ru/articles/teorija_matematika_katsa_sovpala_s_podschetami_ternovskogo_marshprotivpodletsov_posetili_245_tysjachi_chelovek-335228

9. Протестная активность россиян, процесс по делу на Болотной площади // <http://www.levada.ru/27-12-2012/protestnaya-aktivnost-rossiyan-protsess-po-delu-na-bolotnoi-ploshchadi>.

10. Поддержка митингов и желание участвовать в них рас-

тут // <http://www.levada.ru/29-01-2013/podderzhka-mitingovi-zhelanie-uchastvovat-v-nikh-rastut>.

11. Итоги года: кризис, реакция или новое равновесие? // <http://club.gaidarfund.ru/articles/1604>.

12. Россияне о деле Pussy Riot // <http://www.levada.ru/31-07-2012/rossiyane-o-dele-pussy-riot>.

13. Треть россиян верит в честный суд над Pussy Riot // <http://www.levada.ru/17-08-2012/tret-rossiyan-verit-v-chestnyi-sud-nad-pussy-riot>.

14. Наказание участницам группы Pussy Riot треть россиян сочла адекватным // <http://www.levada.ru/02-10-2012/nakazanie-uchastnitsam-gruppy-pussy-riot-tret-rossiyan-sochla-adekvatnym>.

15. Отказ от своих детей, самоубийство и гомосексуализм морально неприемлемо для большей части россиян // <http://www.levada.ru/14-09-2012/otkaz-ot-svoikh-detei-samoubiistvo-i-gomoseksualizm-moralnonepriemlemo-dlya-bolshei-chas>.

16. Т. Ворожейкина: отношение россиян к принятому «закону Димы Яковлева» // <http://www.levada.ru/30-01-2013/t-vorozheikina-otnoshenie-rossiyan-k-prinyatomu-zakonu-dimy-yakovleva>.

17. Волков Д. Исследование: кто те, кто против Путина? // <http://www.forbes.ru/mneniya-column/protesty/233981-antimagnitskii-zakon-statistika-protesta>.

18. Хейл Г. Динамика правящего режима в России // Про

et Contra. – 2012. – № 4-5. – Июль-октябрь – С. 33-53.

Социальная напряженность и конфликты в Уральском регионе

И. А. Кох

Уральский институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Екатеринбург

Социальная напряженность и конфликты существует в любом обществе, различаются только причины, степень остроты и другие признаки. Постоянно развивающиеся и возрастающие потребности людей, с одной стороны, и относительное сокращение ресурсов для их удовлетворения, с другой стороны, являются объективной основой для социальной напряженности в обществе. Конфликт власти и населения изначально заложен в самом характере их взаимоотношений. Законодательные меры способны регулировать конфликты, однако социальная напряженность может изменяться в широких пределах от низкого уровня до резкого обострения не только в результате управленческих решений и действия органов власти, но и рокового стечения объективных обстоятельств. А в эпоху перемен, реформ, связанных со структурной трансформацией общества, социальная напряженность неизбежна.

Население всегда ожидает от органов власти удовлетворения своих потребностей. Местные органы власти в первую

очередь для этого и созданы. Как известно, население очень часто критически оценивает работу местных органов власти. Разумеется, далеко не всегда решение проблем людей зависит от местных органов власти. Напряженный или дефицитный бюджет муниципального образования сегодня не редкость. Однако неоднозначность и острота социальных проблем в различных муниципальных образованиях показывают, что имеют место и субъективные причины возникновения или обострения с социальной напряженности.

Изучению социальной напряженности и конфликтов между населением и органами власти было посвящено исследование 2009 – 2011 годов, выполненное сочетанием трех взаимосвязанных социологических методов: анализа всероссийской и региональной статистики, массового анкетного опроса-интервью, экспертного опроса. Объектом массового опроса явилось население Свердловской области. Выборка районированная, многоступенчатая, репрезентативная по половозрастной структуре жителей основных типов поселений – города и села, по уровню образования и роду занятий (профессий) населения. Всего опрошено 1004 человека. Опрос населения проводился методом интервью по месту жительства или месту работы. В качестве исходной базы для качественного анализа представлены мнения 42 экспертов, по роду своей деятельности представляющих различные сферы общества.

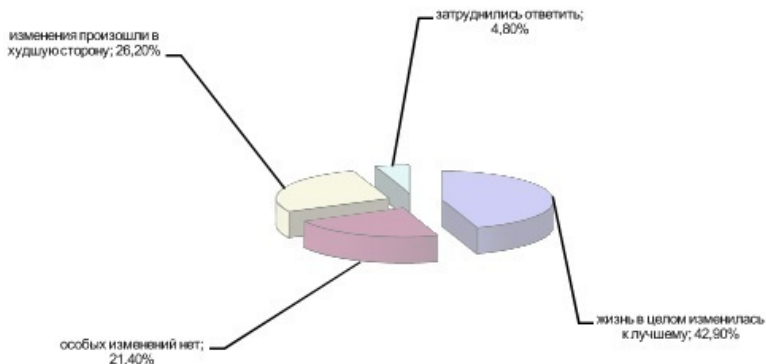
Помимо широкого круга вопросов социокультурного ха-

рактера нас также интересовала оценка населения и экспертов по различным направлениям работы органов государственного и муниципального управления, оценка социальной напряженности в регионе, а также возможные формы социального протеста населения.

С оценками деятельности органов власти, данными населением, во многом совпадают оценки экспертов. Результаты экспертного опроса показали неоднозначность мнений по поводу перемен, происходящих в обществе. Эксперты дали в целом положительную оценку переменам, произошедшим в последнее время в регионе, однако при этом отмечают замедление развития в последнее время (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1

Суждения о переменх в регионе

Интересно отметить, что о переменах в собственном городе эксперты высказались более сдержанно: только одна треть опрошенных отмечают перемены к лучшему, а 60 % считают, что положение не изменилось. При этом ухудшение ситуации отмечают лишь 2,5 % экспертов.

Для экономической и политической стабильности в обществе необходим определенный уровень удовлетворения потребностей населения, на что обращал внимание еще Талкотт Парсонс в 30-х гг. XX в. Изучая факторы стабильного развития общества, он выделил это условие в качестве первоочередного из трех важнейших. Социальная напряженность возникает вследствие неудовлетворенности потребностей населения в жизненно необходимых услугах, которые и призваны предоставлять местные органы власти. К их числу относятся, прежде всего, жилье и жилищно-коммунальные услуги, снабжение продуктами и товарами первой необходимости, бытовое обслуживание, холодное и горячее водоснабжение, общественный транспорт и другие. Неудовлетворительная организация предоставления этих услуг порождает недоверие населения к органам власти, особенно к местной администрации.

Социальная напряженность не является прямым показателем эффективности местного самоуправления, поскольку она может быть вызвана не только действиями местных органов власти, но и другими факторами: от случайного стечения обстоятельств до реакции на решения центральных органов

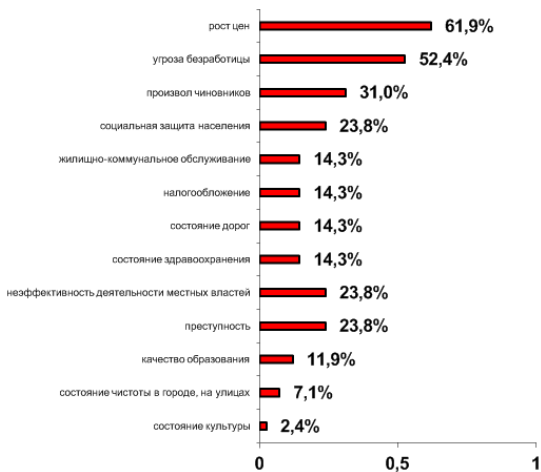
управления. Однако от содержания и характера деятельности муниципальной администрации непосредственно зависит жизнедеятельность местного сообщества, удовлетворение потребностей населения в социально значимых услугах.

Практика показывает, что в тех муниципальных образованиях, где органы местного самоуправления обеспечивают стабильное развитие и функционирование территориальной организации, социальной напряженности, как правило, нет. Это не исключает возможности возникновения отдельных конфликтов, для решения которых имеются соответствующие средства и методы. Наоборот, в тех муниципальных образованиях, где органы местного самоуправления в силу тех или иных причин не способны обеспечить нормальные условия жизнедеятельности для населения, возникает социальная напряженность.

В настоящее время население в уральских городах волнуют многие проблемы, которые можно рассматривать в качестве факторов социальной напряженности. Мнения экспертов по этому вопросу представлены на диаграмме 2.

Диаграмма 2

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Полученные результаты показывают, что, по мнению экспертов, первостепенной проблемой для населения является рост цен (61,9 % опрошенных) и, как следствие, снижение уровня жизни большинства населения. Эта проблема тревожит большинство населения, причем по важности она с большим отрывом стоит на первом месте. Вторая по важности проблема – угроза безработицы, на что указали 52,4 % экспертов. Эксперты также отметили, что население беспокоит произвол чиновников (31 %) и недостаточная социальная защита населения (23,8 %).

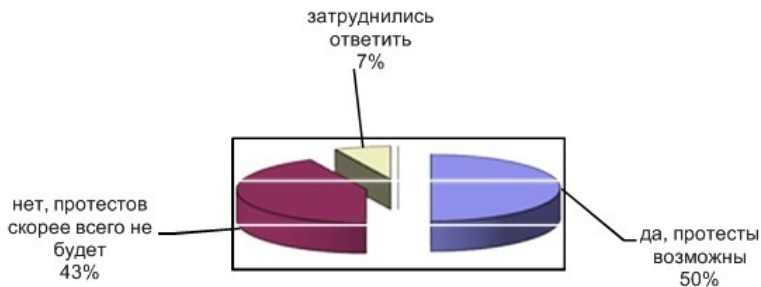
Таким образом, по мнению экспертов, больше всего население тревожит рост цен, угроза безработицы, произвол чиновников и социальная защита населения. Их актуальность

обусловлена общим социально-экономическим состоянием страны и Свердловской области.

Высокая социальная напряженность в обществе – следствие реформ и экономических кризисов – способствует росту протестных настроений в обществе. Время от времени в обществе возникают стихийные митинги, которые иногда принимают острый характер. Насколько реальны массовые протесты населения в регионе? По мнению опрошенных, протесты населения возможны, однако их фактическая реальность маловероятна (см. диаграмму 3).

Диаграмма 3

Возможность протестов населения

Хотя половина опрошенных экспертов допускают возможность массовых протестов, можно отметить достаточно сдержанную позицию населения по этому вопросу. Косвенно это подтверждает также и то, что среди приемлемых спо-

Соборов выражения протеста против власти население отдает предпочтение пассивным формам.

Основные формы протеста населения по результатам опроса являются следующие (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Возможные формы протестов населения

Формы протестов	Кол-во	В % к числу опрошенных	В % к числу ответивших
Письма, телеграммы протеста в средства массовой информации	24	57,1	70,6
Демонстрации и митинги протеста	13	31,0	38,2
Критические выступления на собраниях, сходках	10	23,8	29,4
Забастовка	3	7,1	8,8
Участие в вооруженных выступлениях в защиту своих интересов	0	0,0	0,0

Как видим, основным способом выражения недовольства 57 % опрошенных считают написание писем и телеграмм в средства массовой информации. Около трети полагают, что население может решиться на демонстрации и митинги протеста. Менее всего население готово к забастовкам, а участие в вооруженных выступлениях не допускает никто. Примерно такие же результаты в среднем были получены в процессе

массовых опросов общественного мнения в регионе различными социологическими службами.

В Свердловской области 47,5 % опрошенных граждан выразили готовность принять участие в акциях протеста против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека (показано на диаграмме 4). Тем не менее, каждый третий не готов к участию в подобных мероприятиях. Примечательно, что в некоторых городах (Красноурьинск и Полевской) число готовых принять участие в акциях протеста на 10 % больше, чем в целом по области, что указывает на повышенный фон социальной напряженности в этих городах.

Исходя из проведенного ранее анализа можно констатировать наличие множества нерешенных проблем. Как показали наши исследования, одной из причин социальной напряженности в регионе является низкий уровень доверия населения к органам власти. Два десятилетия противоречивых реформ, снижение уровня жизни против ожидавшегося подъема, противоречивость в преобразованиях социальной сферы, прежде всего в образовании и здравоохранении, закономерно привели к такому результату.

Диаграмма 4

Протестные настроения жителей Свердловской области

затрудняюсь ответить

19 %

готов

19 %

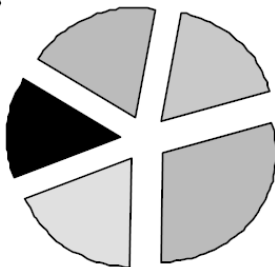
не готов

18 %

пожалуй,

не готов

17 %

пожалуй,

готов

27 %

Недостаточный интерес к повседневным нуждам людей, низкая оперативность в работе, невнимательность к жителям – вот ключевые факторы, порой создающие предпосылки для роста социальной напряженности и конфликтов между населением и органами государственного и муниципального управления. Недостаточно развитое чувство долга по отношению к своим обязанностям, низкая ответственность отдельных служащих за результаты своей деятельности, как отмечают опрошенные жители региона, приводят к снижению эффективности работы всей администрации, к росту социальной напряженности.

Список литературы

1. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. –

М.: Дело, 2003. – 568 с.

2. Регионы России. Социально-экономические показатели. – М., 2009, 2011.

3. Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса. Материалы VI Всероссийской науч. – практич. конф. – Ульяновск, 2010. – 384 с. экономического кризиса. Материалы VI Всероссийской науч. – практич. конф. – Ульяновск, 2010. – 384 с.

4. Социокультурные проблемы развития регионов России в условиях кризиса: мат-лы Тюменского социологического форума 15-16 октября 2009 г. / под ред. М. М. Акулич и др. – Тюмень, 2009. – 238 с.

Системный подход и синергетика (теория самоорганизации) в конфликтологии социальной работы

Шалаев В.П.,

ПГТУ, г. Йошкар-Ола

Рассмотрим некоторые из основных понятий системного и синергетического видения мира, а также их социальные смыслы и потенциалы в конфликтологии социальной работе. Под конфликтологией социальной работы мы понимаем конфликтологическое измерение социальной работы, все то что совокупно связано в социальной работе с темой и проблемами конфликта. Под системным подходом понимают оригинальный научный подход описания и понимания реальности, основанный на определенной совокупности понятий, законов и принципов, непосредственным образом опирающихся на общее понятие системы и системности, через призму которых описываются феномен мира, его структура и процессы. Среди ключевых понятий системного подхода выделяют понятия системы, системности, структуры, целого, функций, связей, элементов, развития, прогресса и регресса, открытых и закрытых систем и т.д. В своих модификациях он известен также как текстология А. Богданова (всеобщая организационная наука), структурно-функциональный подход (Т. Пар-

сонс), системный анализ, общая теория систем (Л. фон Бер- таланфи), кибернетика (Н. Винер, У. Эшби) и т.д., широко используемых во многих социально-гуманитарных науках (социологии, психологии, истории, политологии, фило- софии, экономике, менеджменте и т.д.).

Специально не останавливаясь на всех этих понятиях, опишем некоторые наиболее существенные из них в направ- лении интересующего нас предмета социальных смыслов си- стемного подхода. Под системой в общем научном смыс- ле понимается устойчивая совокупность частей какого-ли- бо целого. В этом смысле принципиальным является именно понятие устойчивой совокупности. Системой является лишь то явление или процесс, которое способно себя сохранять в меняющихся условиях. В наибольшей степени под это опре- деление попадают именно социальные системы, основой ко- торых выступает человек как субъект, носитель разума, дея- тельности и творчества.

Видение мира как устойчивой в своих внутренних связях и отношениях динамичной системы – центральный образ си- стемного подхода. Другими его ключевыми образами высту- пают открытые и закрытые системы. Открытыми являются системы, существование которых основано на активных вза- имообратных связях с внешней средой. К ним, прежде всего, относятся социальные системы (индивид, семья, социальная группа, общество в целом). Наоборот закрытыми называются системы, приоритетом существования которых является

опора на собственные ресурсы и собственные силы, недооценивающие в своем развитии роли внешней среды. И хотя в чистом виде открытых и закрытых систем не существуют (все системы, в том числе социальные, в той или иной степени, в том или ином отношении являются открытыми и закрытыми), тем не менее, говоря о доминирующих тенденциях открытости и закрытости в жизни той или иной системы, в социальной науке и принято употреблять эти понятия.

Особую роль в поддержании и развитии социальной системы имеют обратные связи. Человек как разумное существо не способен к развитию как личность без социализирующего воздействия разумно организованной социальной среды, но и без возвращения в эту среду в качестве творческих актов самореализации своей разумно организованной энергии. Иными словами, человек как полноценное социальное существо способен существовать лишь посредством обратных связей. Получая от общества культурные и цивилизационные ценности, он в дальнейшем стремится к самореализации накопленного и переработанного в нем личностного потенциала.

Широкое распространение в социальной науке получило понятие целостности, функции и дисфункции социальной системы. Система является целостной, если все ее внутренние части соединены друг с другом таким образом, что дополняют существование друг друга выполняемыми ими функциями. Иными словами, целостная система – это внут-

ренне тесно взаимосвязанная система. В том случае, если какая либо функция, какой-либо части системы дает сбой, испытывает отклонение или не в полной мере реализует себя, то эта дисфункция сказывается на жизнедеятельности всех прочих частей и функций и, в конечном счете, на жизнедеятельности системы в целом. Взаимосвязь целого и частей впервые в научной форме была рассмотрена в теориях органицизма английских философов и социологов Т.Гоббса, а затем Г.Спенсера.

Социальные смыслы этих и других понятий системного подхода особую значимость приобретают при их использовании в ходе исследования и понимания социальных проблем. Как правило, всякая социальная проблема рождается в ситуации разрушения обратных связей человека с окружающей социальной средой и, как правило, при утрате этим человеком своего места и роли в этой среде (через выполнение определенных общественно признаваемых функций), с точки зрения его самореализации как личности.

Весьма существенные возможности в понимании и врачевании социальных проблем несет с собой в социальной деятельности синергетический подход (И.Пригожин, В.И. Аршинов, Д.С. Чернавский, Н.Н. Моисеев, Г.Г. Малинецкий, В.С.Степин и др.). Синергетика как теория самоорганизации систем различной природы, в том числе социальных, своими главными понятиями имеет (с учетом уже рассмотренных в рамках системного подхода) понятия системы, откры-

тых и закрытых систем, самоорганизации, бифуркации, саморазвития, самоуправления, малой флуктуации и др. Ключевыми, отражающими дух синергетики, выступают понятия самоорганизации и саморазвития.

Самоорганизация рассматривается как процесс повышения уровня организации системы (т.е. снижение степени статистической вероятности в функционировании системы), например социальной системы (отдельной личности и др.) за счет использования ею внешней и внутренней энергии и информации на самостоятельной основе. Самоорганизация характеризует способность систем достигать в неблагоприятной среде существования нового порядка (новой формы организованности), нового гомеостаза (равновесия) с ней за счет способности к внутренним изменениям (приобретение новых свойств, функций, элементов), позволяющих ей прийти к новой форме гомеостаза со средой. Как правило, процесс этот является переходом системы из одного стабильного состояния (порядка) к другому стабильному состоянию (порядку), через состояние неустойчивости, повышенной чувствительности к внешним и внутренним воздействиям и флуктуациям, через состояние хаоса, высшая точка которого – бифуркация.

Саморазвитие – характеристика способности систем различной природы к развитию, т.е. качественному изменению, в меняющихся условиях внешней среды существования. Саморазвитие свойственно, прежде всего, системам биологиче-

ской и социальной природы, в основе существования которых находится способность к внутренней самоорганизации, т.е. к внутренним изменениям в сторону сохранения гомеостаза (равновесия) с внешней средой, в условиях, когда эта среда непрерывно меняется или сохраняется, но выступает в качестве вызова для сохранения системой своего стабильного положения (статуса) в этой среде.

Итак, саморазвитие – это способность систем не просто к сохранению и восстановлению (самодостраивание) имеющихся состояний по какому-либо образцу (генетическому, социальному и т.д.), но это способность их к созданию новых элементов, связей и отношений, характеризующих эти системы как способные к принципиальным внутренним изменениям в направлении большей сложности, а тем самым к адекватному ответу на вызовы среды. Обретая себя в форме более высокого уровня сложности своей структуры (единство элементов и их связей), эти ответы обретают себя в форме движения испытывающей вызов среды системы в сторону нового, более сложного качества (формы) своего существования, характеризуя систему как способную к прогрессивному развитию.

Другим важным понятием синергетики выступает аттрактор, под которым понимается «точка роста», «точка притяжения», «скрытое генеральное направление развития» системы. По образному выражению, аттрактор – это точка притяжения путей развития системы, временно пространство

ее пребывания, т.е. это точка, задающая структурность, направленность процессов развития этой системы в этом пространстве. В социальном смысле, это, например, организовавшая общество или личность программа действий, являющаяся основой их устойчивости и развития.

Важные социальные смыслы несет в себе и понятие бифуркации, обозначающее состояние системы, вблизи которой (в рамках которой) перестает действовать закон больших чисел, где небольшая флуктуация (малое отклонение, малое воздействие) может послужить началом эволюции системы в совершенно ином направлении, чем ранее. Бифуркация – состояние принципиальной неопределенности путей дальнейшего развития системы, представленное точкой ветвления (расхождения) ее дальнейшей эволюции. Бифуркация – это необходимый этап в развитии всякой открытой системы и в то же время закон развития всякой открытой системы. Бифуркации соответствует этап развития системы, когда в ней в принципиально неустойчивом равновесии сформировались и противостоят друг другу две или более борющихся подсистем и тенденций развития. Состояние бифуркации наиболее удачно с точки зрения управления системой, когда незначительные по силе воздействия способны привести к решающим (глобальным) изменениям на макро – и мегауровнях ее существования. Эти воздействия принято называть акупунктурными, то есть точечными воздействиями, направленными в соответствии с определенной целью и

пониманием, расчетом планируемых последствий.

Владение этими и другими понятиями синергетики в ее социальном измерении способно стать важным условием адекватной профессиональной деятельности как в вопросах понимания сути проблем, так и их причин и путей социального врачевания, в том числе конфликтогенных ситуаций и процессов. Одним из наиболее существенных здесь, как уже отмечалось, является понятие самоорганизации, с которым связан важнейший принцип успешной социальной деятельности.

Опираясь на внутренние, присущие жизненные силы клиента как личности, содействуя их возбуждению и укреплению на путях борьбы с социальным недугом, то есть на путях социальной самоорганизации клиента – таков главный из принципов и главная из задач адекватной, научно осмысленной социальной деятельности.

С этим связано и понятие социальной работы как самоорганизующейся, творческой деятельности.

Во-первых, социальная работа может пониматься как важнейший фактор социальной самоорганизации общества в целом, направленной на врачевание социальных болезней, угрожающих психофизическому, моральному, экономическому и т.д. здоровью членов общества.

Во-вторых, социальная работа как особый вид профессиональной деятельности, не может не совершенствоваться и не стремиться к творческому саморазвитию в своих подхо-

дах, методах, в достижении возложенных на нее социально значимых целей и задач. А значит, она не может не быть самоорганизующейся системой, способной на быстрое и адекватное реагирование на любые изменения социальной среды и ее кризисных объектов.

В-третьих, социальная работа не может не стремиться быть самоорганизующейся и творческой системой, будучи особым социальным институтом общества. Как социальный институт, представленный единством научных, учебных, профессиональных форм деятельности, социальная работа не может не быть саморазвивающейся системой во всех секторах своей деятельности. Развитие одного из этих секторов с неизбежностью влияет на развитие других и, наоборот, стагнация, консервация в развитии одного из этих секторов неизбежно негативно влияет на все прочие, а значит и на общую ситуацию с реализацией стоящих перед социальной работой общественно значимых целей.

В-четвертых, социальная работа не может не учитывать самоорганизующуюся природу своих клиентов как социальных субъектов, способных к творческому саморазвитию на основе вложенной в них от рождения разумной природы.

В любом случае, как мы видим, феномен самоорганизации может быть рассмотрен как ключевой принцип социальной работы и конфликтологии социальной работы с точки зрения ее целей и задач, и с точки зрения ее места и роли в обществе. В этом смысле представляется правомочным го-

ворить о системных и синергетических практиках в социальной работе, в том числе и в области проблематики конфликта, понимая под этим привлечение всего потенциала синергетического и системного знания в области понимания сущности, причин, тенденций, форм и путей преодоления социальных болезней как предмета социальной деятельности.

Список литературы

1. Шалаев В.П. Актуальная синергетика: человек и общество в эпоху глобальных трансформаций. – Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013. – 184 с.

Конфликт по вопросу репатриации сирийских черкесов на российский Кавказ: информационный аспект

Баранов А.В.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Актуальность темы в том, что по мере эскалации военно-политического конфликта в Сирии проблема репатриации черкесов (потомков адыгов, выселенных или добровольно эмигрировавших с Кавказа во второй половине XIX в.) становится одной из важнейших тем информационного противоборства в республиках Северо-Западного Кавказа. Этнополитические организации региона и адыгской диаспоры все более настойчиво требуют от органов государственной власти Российской Федерации обеспечить репатриацию сирийских черкесов. Цель работы – выяснить способы аргументации и стратегии активности в информационном пространстве акторов конфликта: органов государственной власти и оппозиционных движений.

Требование репатриации выдвигается этнополитическими организациями с 1989 г. Называются завышенные цифры черкесской диаспоры – от 3 до 7 млн. чел [1]. Из них в Сирии проживали 32-150 тыс. черкесов. Контраст оценок связан с тем, что черкесами называют потомков всех выходцев

с Кавказа [2]. Желание вернуться на Северный Кавказ лидеры черкесских объединений Сирии высказывали и до конфликта, но только гражданская война 2011-2013 гг. поставила вопрос репатриации в практическую плоскость, стимулировала скоординированные акции в республиках Северного Кавказа и за рубежом. В начале декабря 2011 г. отмечены первые обращения сирийских черкесов и общественных организаций Адыгеи, КарачаевоЧеркесии и Кабардино-Балкарии к Президенту Российской Федерации о репатриации [3]. В январе 2012 г. делегация черкесской диаспоры Сирии обратилась к президентам республик Северо-Западного Кавказа с просьбой оказать содействие в репатриации [2].

Данные обращения получили осторожную поддержку президентов и законодательных органов республик Северного Кавказа. Позиция региональных органов власти – в подчеркивании мотивов спасения жертв военно-политического конфликта, оказания медицинской и экономической поддержки. Считается, что репатриация черкесских семей возможна на основе их личных заявлений и в рамках квот приема переселенцев, установленных федеральным законодательством [4]. Обращения к Президенту РФ, Председателю Государственной Думы РФ, Председателю Совета Федерации РФ о содействии добровольному переселению сирийских адыгов приняты законодательными органами республик Адыгея, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия. Правовой базой репатриации назван федеральный закон

№ 179-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». К категории «соотечественник» относятся «лица, проживающие за пределами территории РФ и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории РФ, а также лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории РФ, сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с РФ» [5]. В основу принадлежности положен принцип самоидентификации, подкрепленный общественной, профессиональной деятельностью «либо иными свидетельствами свободного выбора» в пользу России.

Федеральные органы власти России активизировали диалог с диаспорой в Сирии, элитами республик Северо-Западного Кавказа и общественностью. В республиках созданы комиссии по координации работы по поддержке соотечественников. Созданы адаптационные центры для репатриантов. Они занимаются вопросами правовой поддержки, помощью в трудоустройстве и бесплатном изучении русского языка [6]. Так, весной 2012 г. делегация Совета Федерации РФ под руководством сенатора от Кабардино-Балкарии А. Кажарова посетила Сирию для изучения положения черкесской общины [7]. По сведениям Председателя Комитета РА по делам национальностей, связям с соотечественниками и СМИ А. Шхалахова, на 14 декабря 2012 г. в Адыгее находятся 263 репатрианта, а также 55 студентов – сирийских черке-

сов. Обратились за разрешением на временное проживание 242 репатрианта (на 16 ноября 2012 г.). За 2012 г. в Адыгее зарегистрировано с правом временного проживания без визы 1179 чел., прибывших из Сирии. Часть из них уже переехала в другие регионы страны [4]. Репатриантам оказывается благотворительная помощь общественными фондами и гражданами.

Вместе с тем, репатриация сталкивается с многочисленными трудностями. Так, директор центра адаптации репатриантов РА А. Гучетль отметил в интервью агентству «Кавказский узел», что лишь 25 % репатриантов к декабрю 2012 г. трудоустроены. 36,5 % репатриантов имеют временную регистрацию, а без нее трудоустроиться невозможно. Большинство обратившихся в центр адаптации за помощью имеет высшее образование, желая работать преподавателями английского языка или переводчиками, но таких вакансий нет. Из-за незнания русского языка устроить репатриантов на работу трудно. Поэтому чаще всего репатриантам предлагают рабочие специальности. Большинство репатриантов (83 %) желает поселиться в г. Майкопе, рассчитывает на высокие доходы, чего добиться в короткие сроки невозможно [8]. Т.е., даже небольшой поток переселенцев не может рассчитывать на сохранение статуса. Ресурсы региональных государственных и общественных структур по оказанию помощи ограничены.

Рассмотрим аргументацию позиций этнополитических

движений в республиках Северо-Западного Кавказа. Прежде всего, отметим идеологизированность и эмоциональность оценок. Оппозиционные организации призывают к немедленному возвращению черкесов в массовом порядке, жестко увязывают прием репатриантов с «покаянием» России за Кавказскую войну и неприятием Олимпиады [9]. Так, лидер Адыгейского республиканского общественного движения «Черкесский конгресс» М. Берзегов, эмигрировавший в США, еще весной 2009 г. увязывал «реализацию права черкесов на историческую территорию» с созданием условий массовой репатриации [10].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.